

По делу «Бёрдены против Соединённого Королевства»

Европейский Суд по правам человека¹, рассматривая дело Большой Палатой в составе:

Жан-Поля Коста, *Председателя Суда*,
Николаса Братца,
Боштяна Зупанчича,
Франсуазы Тюлькенс,
Ризы Тюрмэна,
Корнелиу Бирсана,
Нины Вайич,
Маргариты Цаца-Николаска,

Андраша Бака,
Миндии Угрехелидзе,
Анатолия Ковлера,
Элизабет Штайнер,
Хавьера Борреро Борреро,
Эгберта Мийера,
Дэвида Тор Бьоргвинссона,
Инеты Зиемеле,
Изабель Берро-Лёфевр, *судей*,
а также при участии Винсента Берже, *главного юридического советника Европейского Суда*,

проведя совещания за закрытыми дверями 12 сентября 2007 г. и 5 марта 2008 г., вынес 5 марта 2008 г. следующее постановление:

ПРОЦЕДУРА В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 13378/05) против Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии (*далее* — Соединённое Королевство), поданной в Европейский Суд 29 марта 2005 г. согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее* — Конвенция) двумя подданными Великобритании, г-жой Дж.М. Бёрден и г-жой С.Д. Бёрден (*далее* — заявительницы).

2. Интересы заявительниц представляла в Европейском Суде г-жа Э. Гедье, сотрудница адвокатской фирмы «Вуд, Одри и Форд» [Wood, Awdry and Ford] — солиситор, практикующая в г. Чиппенхеме. Власти Соединённого Королевства (*далее* — государство-ответчик) были представлены в Суде г-ном Дж. Грейнджером, Представителем Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии при Европейском Суде по правам человека, сотрудником Министерства иностранных дел и по делам Содружества.

3. Заявительницы, ссылаясь на статью 14 Конвенции во взаимосвязи со статьёй 1 Протокола № 1 к Конвенции, жа-

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

ДЕЛО «БЁРДЕНЫ ПРОТИВ СОЕДИНЁННОГО КОРОЛЕВСТВА»

[BURDEN V. THE UNITED KINGDOM]

(жалоба № 13378/05)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург

29 апреля 2008 г.

Настоящее постановление является окончательным, но в его текст могут быть внесены редакционные изменения.

ловались в Европейский Суд на то, что в случае смерти одной из них вторая должна будет уплатить налог на наследство с принадлежавшей умершей сестре доли фамильного дома, хотя переживший супруг в традиционном или однополном браке, в аналогичных обстоятельствах освобождается от уплаты налога на наследство.

4. Жалоба была передана в производство Палаты Четвёртой Секции Европейского Суда (в порядке пункта 1 правила 52 Регламента Европейского Суда) в составе Ж. Касадевалы, Н. Братца, Дж. Бонелло, К. Трайа, С. Павловского, Л. Гарлицкого и Л. Мийович, *судей*, а также Т.Л. Эрли, секретаря Секции Суда. 30 июня 2005 г. Председатель Палаты Суда решил, что жалобу надо рассматривать в приоритетном порядке согласно правилу 41 Регламента Суда и что рассмотрение вопроса о приемлемости жалобы для ее рассмотрения по существу следует осуществлять совместно с рассмотрением дела по существу в порядке пункта 3 статьи 29 Конвен-

ции и правила 54А Регламента Суда. 12 декабря 2006 г. Палата единогласно объявила жалобу приемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу и вынесла постановление по делу, в котором она — четырьмя голосами «за» и тремя голосами «против» — пришла к выводу о том, что по делу властями государства-ответчика требования статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьёй 1 Протокола № 1 к Конвенции нарушены не были.

5. 23 мая 2007 г. по ходатайству заявительниц от 8 марта 2007 г. коллегия судей Большой Палаты Европейского Суда решила передать дело на рассмотрение Большой Палаты в порядке статьи 43 Конвенции.

6. Состав Большой Палаты был определён в соответствии с положениями пунктов 2 и 3 статьи 27 Конвенции и правила 24 Регламента Европейского Суда.

7. И заявители, и государство-ответчик представили письменные меморандумы по существу дела. Кроме того, 28 августа 2007 г. были получены замечания по делу от властей Бельгии и Ирландии, вступивших в производство по делу в качестве третьей стороны.

8. Заседание по делу было публичным и состоялось во Дворце прав человека, г. Страсбург, 12 сентября 2007 г.

От редакции. В Соединённом Королевстве налог на наследство составляет 40 процентов от стоимости наследуемого имущества, однако он не взимается в случае, если имущество передаётся лицу, состоявшему с наследодателем в традиционном или однополном браке. Заявительницы — незамужние сёстры, проживавшие вместе всю свою жизнь в доме, которым они владели на праве совместной собственности, — завещали друг другу всё своё имущество. Они жаловались в Европейский Суд на то, что в случае смерти одной из них другая должна будет уплатить огромный налог на наследство. Суд пришел к выводу, что правовой статус проживающих вместе братьев и (или) сестер отличается от статуса лиц, состоящих друг с другом в традиционном или однополном браке. Поэтому Суд 15 голосами «за» и 2 голосами «против» постановил, что по делу не была нарушена статья 14 Конвенции во взаимосвязи со статьёй 1 Протокола № 1 к Конвенции.

¹ Далее — Европейский Суд или Суд (*примечание редакции*).

В заседании Европейского суда приняли участие:

(а) со стороны заявительниц:

г-н Д. Панник, королевский адвокат¹,
г-н С. Гродзинский, адвокат,
г-жа Э. Гедье,
г-жа Э. Страдлинг, солиситоры.

(б) со стороны государства-ответчика:

г-жа Х. Мульвейн, официальный представитель,
г-н Дж. Кроу, адвокат,
г-н Дж. Каучмен,
г-жа К. Иннес,
г-н С. Гоке,
г-н Р. Линхем, советники.

Европейский Суд заслушал выступления г-на Д. Панника и г-на Дж. Кроу, а также их ответы на вопросы судьи Б. Зупанчича.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

9. Обстоятельства настоящего дела в том виде, как они представлены сторонами, могут быть изложены следующим образом.

10. Заявительницами по настоящему делу являются незамужние сёстры, родившиеся 26 мая 1918 г. и 2 декабря 1925 г. соответственно. Они прожили совместно всю свою жизнь, поддерживая между собой прочные и устойчивые отношения взаимной поддержки; в течение последних 31 года они проживали в доме, построенном на участке земли, который они унаследовали от своих родителей в графстве Уилтшир.

11. Дом, о котором идёт речь, принадлежит заявительницам на праве совместной собственности. Согласно экспертной оценке, произведённой 12 января 2006 г., его стоимость составляет 425 тысяч фунтов стерлингов, или 550 тысяч фунтов стерлингов, если продавать его вместе с прилегающим к нему участком земли. В совместной собственности сестёр находится также ещё два имения общей стоимостью 325 тысяч фунтов стерлингов. Кроме того, каждой сестре принадлежат акции и иные капиталовложения на сумму приблизительно 150 тысяч фунтов стерлингов. Каждая сестра составила завещание, согласно которому всё её имущество переходит в случае её смерти другой сестре.

12. Заявительницы утверждают, что имущество, находящееся в их совместной собственности, выросло в цене настолько, что стоимость принадлежащей каждой из сестёр половины значительно превышает сумму, которая в настоящее время не облагается налогом на наследство (см. ниже, пункт 13 настоящего постановления).

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО

A. Налог на наследство

13. В соответствии со статьями 3, 3А и 4 Закона «О налоге на наследство» [*Inheritance Tax Act*] 1984 года, налог на наследство составляет 40 процентов от стоимости имущества лица, в том числе его доли в иму-

ществе, которая ему принадлежит на праве совместной собственности и которое переходит по наследству после его смерти, а также от стоимости имущества, которое он передал другому лицу в течение семи последних лет своей жизни. Налог не уплачивается при передаче имущества, стоимость которого не превышает 300 тысяч фунтов стерлингов, при условии, что оно было передано в период с 5 апреля 2007 г. по 5 апреля 2008 г. (статья 98 Закона «О финансах» [*Finance Act*] 2005 года).

14. Пени, в настоящее время составляющие 4 процента, начисляются в случае неуплаты налога в течение шести месяцев после окончания месяца, в котором наступила смерть наследодателя, независимо от того, чем была вызвана задержка платежа. Налог на наследство, взимаемый с человека, который унаследовал земельный участок, может быть по желанию налогоплательщика разбит на десять равных ежегодных взносов, однако если имущество, переходящее в порядке наследования, было продано, оставшаяся часть налога и пени подлежат немедленной уплате (пункты 1—4 статьи 227).

15. Часть 1 статьи 18 Закона «О налоге на наследство» предусматривает, что имущество, переходящее в порядке наследования от одного супруга в традиционном браке к другому супругу, налогом не облагается. С 5 декабря 2005 г. это правило стало распространяться на имущество, наследуемое одним супругом в однополном браке после смерти другого супруга (см. ниже, пункты 16—18).

B. Закон «Об однополых браках» 2004 года

16. Закон «Об однополых браках» [*Civil Partnership Act*] был принят с целью предоставить в распоряжение лиц одного пола официальный механизм признания и узаконивания их отношений, а также наделить их правами и обязанностями, максимально приближенными к тем, которые вытекают из традиционного брака.

17. Заключение однополного брака допускается, если собирающиеся вступить в него лица: (i) принадлежат к одному полу; (ii) ещё не состоят в традиционном или однополном браке, (iii) старше 16 лет, (iv) не приходятся друг другу близкими родственниками.

18. Однополый брак, как и традиционный, заключается на неопределённый срок и может прекратиться лишь в случае смерти, расторжения или признания недействительным. Закон «Об однополых браках» внёс в действующее законодательство Соединённого Королевства целый ряд изменений, распространяющихся, в частности, на пенсионную и налоговую систему, систему социального обеспечения, законодательство в области наследования имущества и иммиграционное законодательство. Эти изменения были направлены на приравнение однополного брака к традиционному во всех отношениях, за исключением очень редких случаев, когда дифференцированный подход оправдывается какими-либо объективными соображениями. При расторжении однополного брака суды обладают теми же контрольными полномочиями в области права собственности на имущество супругов и его использования, как и при расторжении традиционного брака.

19. Когда в Парламенте Соединённого Королевства обсуждался законопроект об однополых браках, Палата лордов 148 голосами «за» и 130 голосами «против» приняла к нему поправку, согласно которой вступать в однополый брак и претендовать на соответствующие налоговые льготы при наследовании имущества могли

¹ Королевский адвокат [*Queen's Counsel, QC*] — высшее адвокатское звание в Соединённом Королевстве; присваивается королевской грамотой по рекомендации Лорд-канцлера (примечание редакции).

члены одной семьи, приходящиеся друг другу близкими родственниками, в случае, если они: (i) старше 30 лет; (ii) проживают вместе в течение как минимум 12 лет; и (iii) не состоят в традиционном или в однополном браке с кем-нибудь другим. Когда законопроект снова поступил в Палату общин, эта поправка была отклонена.

20. В ходе обсуждения указанного законопроекта в Палате лордов лорд Алли, пэр от Лейбористской партии, заявил:

«Я очень хорошо понимаю уважаемую баронессу О'Кейтли [пэресса от Консервативной партии, предложившая указанную поправку], когда она говорит о родных братьях и сёстрах, проживающих под одной крышей, или о человеке, который ухаживает за нетрудоспособным родственником. В самом деле, она охотно подтвердит, что я несколько раз поднимал этот вопрос — во время второго чтения и в Большом комитете — и очень настаивал, чтобы власти подумали над этой проблемой. Здесь есть несправедливость, и её надо устранить, но не с помощью этого законопроекта. Данный законопроект касается однополых союзов, отношения внутри которых не имеют ничего общего с отношениями между родными братьями и сёстрами».

В ходе этого же обсуждения лорд Гудхарт, пэр от Либерально-демократической партии, заявил:

«Есть очень веские доводы в пользу некоторого облегчения налогового бремени в части налога на наследство для тех, кто ухаживает за своими родственниками, чтобы дать этим людям возможность по-прежнему жить в доме, где этот уход осуществлялся. Но это уже другой вопрос, обсуждать который надо не здесь и не сейчас. Данный законопроект не годится для обсуждения этой проблемы».

В ходе дискуссии в Постоянном комитете Палаты общин Жаки Смит, член Парламента, заместитель министра по делам женщин и вопросам равенства, заявила:

«Как я отмечала во время второго чтения, мы получили явное подтверждение цели законопроекта — юридическое признание однополых браков, благодаря которому тысячи людей, проживающих вместе и поддерживающих между собой длительные и устойчивые отношения, смогут добиться того, чтобы эти отношения перестали быть незаметными в глазах закона, со всеми сложностями, которые создаёт такая незаметность».

Представители практически всех партий согласились с тем, что законопроект об однополых браках не должен решать проблемы, имеющие отношение к членам одной семьи, — не потому, что их проблемы не важны, а потому, что законопроект — не та база, на основе которой целесообразно было бы это делать».

С. Закон «О правах человека» 1998 года

21. Закон «О правах человека» [*Human Rights Act*] 1998 года вступил в силу 2 октября 2000 г. Часть 1 статьи 3 этого закона предусматривает следующее:

«Первичное законодательство и правовые акты, принимаемые для его исполнения, должны по мере возможности трактоваться и вводиться в действие таким образом, чтобы это не нарушало гарантированные Конвенцией права».

Статья 4 Закона 1998 года (в части, имеющей отношение к настоящему делу) предусматривает следующее:

«(1) Пункт 2 применяется во всех делах, при рассмотрении которых суд решает вопрос о соответствии той или иной нормы первичного законодательства гарантированному Конвенцией праву».

(2) Если суд полагает, что норма, о которой идёт речь, не соответствует гарантированному Конвенцией праву, он может сделать заявление об этом несоответствии. <...>

(6) Заявление, сделанное согласно настоящей статье <...>, —

(a) не влияет на юридическую силу, продолжение действия или исполнение нормы, в отношении которой оно было сделано; и

(b) не имеет обязательной силы для сторон в деле, при рассмотрении которого оно было сделано».

Статья 6 предусматривает следующее:

«(1) Действия органов государственной власти, не соответствующие гарантированному Конвенцией праву, являются незаконными».

(2) Пункт 1 не применяется к действиям органа государственной власти в случае, если:

(a) в силу одной или нескольких норм первичного законодательства соответствующий орган не мог действовать иначе; или

(b) при наличии одной или нескольких норм <...> первичного законодательства, которые не могут трактоваться или вводиться в действие таким образом, чтобы это не нарушало гарантированных Конвенцией прав, действия соответствующего органа направлены на введение в действие или на исполнение этих норм <...>».

Статья 10 предусматривает следующее:

«(1) Настоящая статья применяется, если:

(a) согласно статье 4 было сделано заявление о несоответствии какой-либо нормы законодательства гарантированному Конвенцией праву и, при условии, что по этому поводу может быть подана жалоба,

(i) все, кто может подать жалобу, в письменной форме заявили, что они не намереваются этого делать; или

(ii) истёк срок подачи жалобы, и в течение этого срока не было подано ни одной жалобы; или

(iii) по поданной в течение этого срока жалобе было принято решение либо она была отклонена; или

(b) Министру Короны или Тайному совету представляется, что с учётом выводов, сделанных Европейским Судом по правам человека после вступления в силу этой статьи при рассмотрении какой-либо жалобы, поданной против Соединённого Королевства, та или иная норма законодательства не соответствует конвенционным обязательствам Соединённого Королевства».

(2) Если министр Короны считает, что есть веские основания для применения данной статьи, он может своим распоряжением внести в законодательство такие поправки, какие он сочтёт необходимыми для устранения несоответствия».

22. Государство-ответчик считает, что суды Соединённого Королевства были наделены полномочиями, перечисленными в статье 4, с целью создания официального канала уведомления правительства и Парламента Соединённого Королевства о ситуации, в которой законодательство признаётся не соответствующим Конвенции, а также механизма быстрого устранения несоответствий.

После того как было сделано заявление (или после того как Европейский Суд установил нарушение, связанное с какой-либо нормой законодательства Соединённого Королевства), появляется две альтернативных возможности решения проблемы — либо внесение в Парламент проекта акта первичного законодательства, либо осуществление соответствующим министром полномочий по внесению поправок согласно статье 10 Закона «О правах человека» 1998 года.

23. Когда Закон «О правах человека» был одобрен Палатой лордов 27 ноября 1997 г., Лорд-канцлер пояснил:

«<...> на наш взгляд, практически бесспорно, что после того, как будет сделано заявление о несоответствии, правительство и Парламент в любой ситуации должны будут внести изменения в законодательство».

Один из министров, отвечающих за применение Закона «О правах человека», пояснил Палате общин 21 октября 1998 г.:

«Наши предложения [по поводу распоряжений об устранении несоответствий] гарантируют соблюдение парламентских процедур и парламентского суверенитета, обеспечивают надлежащий контроль над нашим законодательством и дают нам возможность не просто применять законодательство в области прав человека, но и создавать культуру прав человека. Кроме того, они позволяют нам достичь этих целей, не опасаясь, что, если решения Страсбургского Суда или наших судов указывают на несоответствие, в нашем распоряжении не окажется механизма, позволяющего устранить его быстро и эффективно, как это может потребоваться».

24. Согласно статистическим данным, представленным государством-ответчиком (последний раз их актуализация проводилась 30 июля 2007 г.), с тех пор как 2 октября 2000 г. вступил в силу Закон «О правах человека», было сделано 24 заявления о несоответствии. Шесть из них были отменены на основании поданных жалоб, а три по-прежнему подлежат обжалованию полностью или частично. Из 15 заявлений, которые вступили в силу, три касаются положений, в которые уже были внесены изменения первичным законодательством на тот момент, когда было сделано соответствующее заявление; семь несоответствий были устранены принятым впоследствии первичным законодательством; одно несоответствие было устранено распоряжением, изданным согласно статье 10 Закона; одно несоответствие сейчас исправляется первичным законодательством, реализация которого ещё не завершена; по поводу ещё одного несоответствия проводятся консультации с общественностью; ещё два несоответствия (касающиеся того же вопроса) будут устранены мерами, которые правительство планировало вынести на рассмотрение Парламента осенью 2007 года. В одном деле, «*A. против министра внутренних дел*» [4. v. *Secretary of State for the Home Department*] (Сборник постановлений Апелляционного суда [AC], 2005 год, том 2, с. 68), Палата лордов сделала заявление о несоответствии по поводу статьи 23 Закона «О противодействии терроризму, борьбе с преступностью и обеспечении безопасности» [Anti-Terrorism, Crime and Security Act] 2001 года, который наделял министра правом в определённых обстоятельствах заключать под стражу лиц, подозреваемых в международном терроризме. В ответ правительство незамедлительно отменило не соответствующую Конвенции норму статьёй 16 Закона «О предупреждении терроризма» [Prevention of Terrorism Act] 2005 года.

III. ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕЛУ НОРМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ДРУГИХ СТРАН И ДАННЫЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

25. В то время как в англосаксонской правовой системе традиционно признаётся свобода завещания, в романо-германской правовой системе порядок наследования, как правило, устанавливается законом или кодексом, содержащим перечень некоторых особо привилегированных категорий наследников, обычно супругов и близких родственников умершего, которые автоматически получают права на долю его имущества (так называемую «обязательную долю в наследстве»); в большинстве случаев она не может быть изменена по желанию наследодателя. Поэтому положение каждого наследника зависит от совместного действия положений семейного и налогового права.

26. На основании имеющихся в распоряжении Европейского Суда материалов можно сделать вывод, что однополые браки в той или иной форме допускаются в шестнадцати государствах — членах Совета Европы, а именно в Андорре, Бельгии, Германии, Дании, Исландии, Испании, Люксембурге, Нидерландах, Норвегии, Словении, Соединённом Королевстве, Финляндии, Франции, Чешской Республике, Швейцарии и Швеции, однако во всех этих странах они влекут за собой разные последствия в плане наследования имущества. Практически во всех государствах — членах Совета Европы закон предоставляет права наследования супругам и близким родственникам умершего, в том числе родным братьям и сёстрам. В большей части государств — членов Совета Европы родные братья и сёстры имеют меньшие права наследования, чем переживший супруг в традиционном браке, но большие, чем переживший супруг в однополых браках; лишь в нескольких государствах — членах Совета Европы пережившему супругу в однополых браках предоставляются такие же права, как и в традиционном браке. Схемы уплаты налога на наследство обычно соответствуют порядку наследования, хотя в некоторых странах, таких как Германия и Франция, пережившим супругам предоставляются большие налоговые льготы, чем любой другой категории наследников.

ВОПРОСЫ ПРАВА

27. Заявительницы, со ссылкой на статью 1 Протокола № 1 к Конвенции во взаимосвязи со статьёй 14 Конвенции, жалуются в Европейский Суд на то, что, когда одна из них скончается, другая должна будет заплатить значительный налог на наследство, от которого был бы освобождён переживший супруг в традиционном или однополых браках.

Статья 1 Протокола № 1 к Конвенции предусматривает следующее:

«Каждое физическое или юридическое лицо имеет право беспрепятственно пользоваться своим имуществом. Никто не может быть лишён своего имущества, кроме как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права».

Предыдущие положения ни в коей мере не ущемляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов».

Статья 14 Конвенции предусматривает следующее:

«Пользование правами и свободами, признанными в [настоящей Конвенции], должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ГОСУДАРСТВА-ОТВЕТЧИКА

28. Государство-ответчик считает, что жалоба заявителем является неприемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу по множеству оснований, предусмотренных статьёй 34 и пунктом 1 статьи 35 Конвенции.

Статья 34 Конвенции предусматривает следующее:

«Суд может принимать жалобы от любого физического лица, <...> которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней <...>».

Пункт 1 статьи 35 Конвенции предусматривает следующее:

«Суд может принимать дело к рассмотрению только после того, как были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты, как это предусмотрено общепризнанными нормами международного права, и в течение шести месяцев с даты вынесения национальными органами окончательного решения по делу».

A. По вопросу о наличии у заявителей статуса жертв нарушения Конвенции

1. Выводы, сделанные Палатой Европейского Суда

29. Палата Европейского Суда единогласно пришла к выводу, что с учётом возраста заявителей и очень высокой вероятности того, что одна из них должна будет уплатить налог на наследство после смерти другой, они могут утверждать, что закон, о котором идёт речь в жалобе, непосредственно их затрагивает.

2. Доводы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

a. Доводы, представленные Европейскому Суду государством-ответчиком

30. Государство-ответчик утверждает, что ход рассуждений Палаты не подтверждает этот вывод. Кроме того, заявительницы пока ещё не должны уплачивать налог на наследство; по крайней мере одной из них точно никогда не придётся этого делать. Поскольку нельзя точно сказать, что одна из них скончается раньше другой, можно только предполагать, понесёт ли кто-нибудь из них какой-то ущерб. Поэтому заявительницы не могут утверждать, что они являются «жертвами» какого-либо нарушения; в их жалобе налоговый режим оспаривается

*in abstracto*¹, а Суд не может рассматривать такого рода претензии.

31. Юридические критерии установления «статуса жертвы» нарушения конвенционных прав чётко определены в прецедентной практике Европейского Суда: слово «жертва» означает человека, которого непосредственно затрагивает обжалуемое по делу действие или бездействие (см., например, постановление Европейского Суда от 15 июля 1982 г. по делу «Экле против Германии» [*Eckle v. Germany*], серия «А», № 51, § 66). С этой точки зрения настоящее дело отличается от дела «Маркс против Бельгии» [*Marckx v. Belgium*] (постановление Европейского Суда от 13 июня 1979 г., серия «А», № 31), заявительницы по которому обжаловали в Суд ряд положений бельгийского законодательства, автоматически применявшихся к незаконнорожденной дочери и её матери, а также от дела «Инзе против Австрии» [*Inze v. Austria*] (постановление Европейского Суда от 28 октября 1987 г., серия «А», № 126), в жалобе по которому речь шла о правах наследования в ситуации, когда один из родителей уже умер. В настоящем деле, напротив, норма о необходимости уплаты налога на наследство не применялась автоматически. Опасность уплатить налог в будущем не затрагивала заявителем настолько, чтобы их положение можно было сравнить с положением заявителей по делу «Кэмпбелл и Козанс против Соединённого Королевства» [*Campbell and Cosans v. the United Kingdom*] (постановление Европейского Суда от 25 февраля 1982 г., серия «А», № 48), в котором Суд пришёл к выводу, что угроза подвергнуть заявителей бесчеловечному и унижающему достоинство наказанию может сама по себе нарушать требования статьи 3 Конвенции, или по делу «Норрис против Ирландии» [*Norris v. Ireland*] (постановление Европейского Суда от 26 октября 1988 г., серия «А», № 142), в котором существование уголовного наказания за гомосексуальные сношения неизбежно должно было отразиться на повседневном поведении заявителя и его личной жизни.

b. Доводы, представленные Европейскому Суду заявительницами

32. Палата Европейского Суда единогласно пришла к выводу, в силу которого заявительницы могут со всеми основаниями утверждать, что они являются жертвами нарушения Конвенции, и заявительницы с этим согласны. Практически наверняка одна из них скончается раньше другой, стоимость имущества покойной превысит сумму, не облагающуюся налогом, а оставшаяся в живых сестра должна будет уплатить значительный налог на наследство, от которого был бы освобождён переживший супруг в традиционном или однополном браке (см. выше, пункт 15 настоящего постановления). Таким образом, как в упомянутом выше деле «Маркс против Бельгии» и в деле «Джонстон и другие заявители против Ирландии» [*Johnston and Others v. Ireland*] (постановление Европейского Суда от 18 декабря 1986 г., серия «А», № 112), в которых идёт речь о влиянии норм национального законодательства, определяющих статус внебрачного ребёнка, на права наследования, заявительницы подвергаются очень большой опасности нарушения их конвенционных прав. Далее, из прецедентной практики Европейского Суда (см., например, упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Кэмпбелл и Козанс против Соединённого Королевства») ясно следует, что «про-

¹ In abstracto (лат.) — отвлеченно; вообще (примечание редакции).

стая угроза» запрещёнными Конвенцией действиями может привести к тому, что человек, которому эта угроза адресована, станет жертвой нарушения Конвенции, при условии, что эта угроза достаточно реальна и непосредственна. В данном случае угроза весьма реальна; даже до смерти любой из заявителец законодательство на них воздействует, так как оно оказывает влияние на принимаемые ими решения по распоряжению своим имуществом. Их преследуют «ужасные опасения», что для уплаты налога дом придётся продать, и они считают, что для получения возможности использовать для своей защиты положения Конвенции они не должны ждать, пока одна из них скончается.

3. Оценка обстоятельств дела, произведённая Большой Палатой

33. Европейский Суд напоминает: для того чтобы иметь возможность подать жалобу согласно статье 34 Конвенции, надо, чтобы физическое лицо, неправительственная организация или группа частных лиц могли утверждать, что они «явились жертвами нарушения <...> их прав, признанных в настоящей Конвенции <...>». Для того чтобы человек мог утверждать, что он является жертвой нарушения Конвенции, обжалуемая мера должна непосредственно его затрагивать (см. постановление Европейского Суда от 18 января 1978 г. по делу «Ирландия против Соединённого Королевства» [*Ireland v. the United Kingdom*], серия «А», № 25, § 239—240; упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Экле против Германии»; а также постановление Европейского Суда от 6 сентября 1978 г. по делу «Класс и другие заявители против Германии» [*Klass and Others v. Germany*], серия «А», № 28, § 33). Поэтому Конвенция не предусматривает подачи *actio popularis*¹ для истолкования признанных в ней прав и не даёт частным лицам возможности обжаловать положения национального законодательства просто потому, что они, не будучи непосредственно ими затронуты, считают, что эти положения могут нарушать Конвенцию (упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Норрис против Ирландии», § 31).

34. Тем не менее человек может утверждать, что законодательство нарушает его права, в ситуации, когда соответствующие правоприменительные меры не затрагивают его интересы, если он вынужден изменить своё поведение, подвергается опасности преследования (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Норрис против Ирландии», § 31; постановление Европейского Суда по делу «Боуман против Соединённого Королевства» [*Bowman v. the United Kingdom*], жалоба № 24839/94, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*Reports*] 1998-I) либо относится к категории людей, интересы которых могут оказаться непосредственно затронутыми соответствующим законодательством (упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Джонстон и другие заявители против Соединённого Королевства», § 42, постановление Европейского Суда от 29 октября 1992 г. по делу «Компании “Оупен дор” и “Даблин уэлл вумэн” против Ирландии» [*Open Door and Dublin Well Woman v. Ireland*], серия «А», № 246-A). Так, в упомянутом выше постановлении по делу «Маркс против Бельгии» Европейский Суд признал, что интересы заявительниц — матери-одиночки и её пятилетней «не-

законнорождённой» дочери — были непосредственно затронуты законодательством, которое, помимо прочего, ограничивало право ребёнка наследовать имущество от своей матери в случае смерти последней, поскольку оно автоматически применялось ко всем внебрачным детям. Поэтому заявительницы были признаны «жертвами» предполагаемого нарушения Конвенции. Напротив, в деле «Уиллис против Соединённого Королевства» [*Willis v. the United Kingdom*] (жалоба № 36042/97, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2002-IV) Суд счёл гипотетической опасностью того, что заявителю будет когда-либо в будущем отказано в назначении пенсии вдовы по половому признаку, так как было неясно, будет ли заявитель в противном случае соответствовать предъявляемым законом к получателям этого пособия требованиям на тот момент, когда на него могла бы претендовать женщина, находящаяся в аналогичном положении.

35. В настоящем деле Большая Палата согласна с Палатой в том, что с учётом возраста заявителец, завещаний, которые они составили, и стоимости принадлежащего каждой из них имущества они показали существование реальной опасности того, что в не столь отдалённом будущем одной из них придётся уплатить значительный налог на наследство с полученного от сестры имущества. В этих обстоятельствах обжалуемое заявителем законодательство Соединённого Королевства непосредственно затрагивает их интересы, и они могут утверждать, что они являются жертвами предполагаемой дискриминации.

В. Вопрос об исчерпании заявителем внутренних средств правовой защиты

1. Выводы, сделанные Палатой Европейского Суда

36. По вопросу об исчерпании заявителем внутренних средств правовой защиты Палата Европейского Суда пришла к следующим выводам (§ 35—40 постановления Палаты по настоящему делу):

«Европейскому Суду хорошо известно о субсидиарном характере его роли. Он отдаёт себе отчёт в том, что, если заявители не будут заинтересованы в исчерпании доступных им в рамках соответствующей национальной правовой системы возможностей добиваться возмещения причинённого им ущерба, это скомпрометирует объект и цель Конвенции, которые, согласно статье 1, требуют от Договаривающихся Государств обеспечивать права и свободы каждому, находящемуся под их юрисдикцией; кроме того, в этом случае будет подорвана его собственная работоспособность (см. решение Европейского Суда от 29 июня 2004 г. по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы № 36536/02, поданной В. и Л. против Соединённого Королевства). Таким образом, требование об исчерпании внутренних средств правовой защиты, на которое ссылается пункт 1 статьи 35 Конвенции, обязывает заявителей сначала воспользоваться средствами правовой защиты, которые в обычных условиях доступны и достаточны в рамках их национальной правовой системы, чтобы позволить им получить компенсацию ущерба, причинённого предполагаемыми нарушениями их прав. Существование этих средств правовой защиты должно быть достаточно бесспорно как в теории, так и на практике; в противном слу-

¹ *Actio popularis* (лат.) — (буквально) народный иск, здесь — требования, предъявляемые в общественных интересах частными лицами или организациями, которые сами не являются жертвами нарушений (*примечание редакции*).

чае они окажутся недостаточно доступны и эффективны (постановление Европейского Суда по делу “Акдивар и другие заявители против Турции” [*Akdivar and Others v. Turkey*], жалоба № 21893/93, § 65—67, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [Reports] 1996-IV; постановление Европейского Суда по делу “Аксой против Турции” [*Aksoy v. Turkey*], жалоба № 21987/93, § 51—52, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [Reports] 1996-VI).

Государство-ответчик утверждает, что Закон “О правах человека” предоставляет заявителю возможность добиваться, чтобы национальный суд сделал заявление о несоответствии национального законодательства положениям Конвенции. Оно предполагает, что это средство правовой защиты достаточно определено и эффективно для целей пункта 1 статьи 35 Конвенции. Такое заявление наделяет министра полномочием принять по своему усмотрению меры по внесению поправок в противоречащую Конвенции норму закона путём либо издания распоряжения об устранении несоответствий, либо внесения в Парламент законопроекта.

Европейский Суд в своём решении от 18 июня 2002 г. по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы № 63684/00, поданной Томасом Уильямом Хоббсом [*Thomas William Hobbs*] против Соединённого Королевства) пришёл к выводу, что это средство правовой защиты недостаточно эффективно, по сути, по двум причинам: во-первых, потому что такое заявление не имеет обязательной силы для сторон в деле, при рассмотрении которого оно было сделано, а во-вторых, потому что в силу этого заявления у министра возникает право, а не обязанность внести изменения в противоречащее Конвенции законодательство путём издания распоряжения о приведении его в соответствие с Конвенцией. Кроме того, министр может осуществить это своё право только в том случае, если он считает, что для этого есть “убедительные основания”.

Европейский Суд полагает, что настоящее дело отличается от дела по жалобе Хоббса против Соединённого Королевства, в котором заявитель уже понёс материальный ущерб в результате обжалуемой им дискриминации, но не смог получить денежную компенсацию после заявления о несоответствии. Оно ближе к делу по жалобе В. и Л. против Соединённого Королевства, заявителям по которому не понесли никакого материального ущерба, хотя оспариваемое ими законодательство уже запрещало им вступить в брак друг с другом. В настоящем деле, как и в деле по жалобе В. и Л. против Соединённого Королевства, можно утверждать, что, если заявительницы добивались бы заявления о несоответствии и оно было сделано, в результате последующего изменения законодательства их положение могло бы улучшиться.

Тем не менее остаётся проблема, заключающаяся в том, что у министра нет юридического обязательства внести поправки в норму законодательства, которую суд признал не соответствующей Конвенции. Европейский Суд отмечает, что по информации, предоставленной государством-ответчиком, по состоянию на август 2006 г. такие поправки были предложены в десяти из тринадцати случаев, в которых суды в итоге сделали заявления о несоответствии, а в остальных трёх случаях эти изменения либо ожидаются, либо рассматривается возможность их внесения <...>. Возможно, когда-нибудь в будущем свидетельства длительной и устоявшейся практики реализации министрами заявлений судов о несоответствии могут оказаться достаточными, чтобы убедить Суд в эффективности этой процедуры. В насто-

ящее время, однако, материалов, на основании которых можно было бы сделать такой вывод, недостаточно.

Европейский Суд не считает, что до подачи заявительницами жалобы в Страсбург от них можно было ожидать исчерпания средства правовой защиты, осуществление которого зависит от усмотрения органов исполнительной власти и которое Суд ранее на этом основании признал неэффективным. Поэтому Суд отклоняет второе возражение государства-ответчика о неприемлемости жалобы для дальнейшего рассмотрения по существу».

2. Доводы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

а. Доводы, представленные Европейскому Суду государством-ответчиком

37. Государство-ответчик ссылается на практику Европейского Суда, согласно которой на заявителе лежит обязанность исчерпать внутригосударственное средство правовой защиты, если оно «эффективно и может привести к получению удовлетворения по жалобе» (упомянутое выше решение Европейского Суда по жалобе Хоббса против Соединённого Королевства). В настоящем деле, поскольку ни на одну из заявительниц не была возложена обязанность по уплате налога на наследство, максимум, что может сделать Суд, в случае если он вынесет решение в пользу заявительниц, — это заявить, что Закон «О налоге на наследство» представляет собой нарушение их конвенционных прав. Если допустить, что требование заявительниц обоснованно по существу, именно это сделал бы Высокий суд в Соединённом Королевстве, руководствуясь статьёй 4 Закона «О правах человека». Если заявление Европейского Суда будет являться справедливой компенсацией для целей статьи 41 Конвенции, то, по утверждению государства-ответчика, заявление Высокого суда о несоответствии необходимо считать доступным и эффективным внутригосударственным средством правовой защиты для целей применения статьи 35 Конвенции.

38. Государство-ответчик ссылается на сведения, приведённые выше, в пункте 24 постановления, и отмечает, что это не единственный случай, когда оно отказалось принять меры по заявлению о несоответствии. Государство-ответчик согласно, что с чисто юридической точки зрения, как Суд решил по жалобе Хоббса против Соединённого Королевства, заявление о несоответствии не имеет обязательной силы для сторон в деле, и вследствие такого заявления у министра возникает право, а не обязанность внести поправки в противоречащие Конвенции положения законодательства. Тем не менее государство-ответчик подчёркивает, что на практике заявление о несоответствии с большой вероятностью приводит к изменению законодательства.

б. Доводы, представленные Европейскому Суду заявительницами

39. Заявительницы ссылаются на практику Комиссии по правам человека, утверждая, что средства правовой защиты, которыми обязан воспользоваться заявитель, должны не только быть эффективными, но и не зависеть от действий, которые власти могут предпринимать по своему усмотрению (см., например, решение Комиссии по правам человека от 14 мая 1987 г. по делу «Монтон против Франции» [*Montion v. France*], жалоба № 11192/84, Сборник решений и докладов Комиссии по правам человека [DR], том 52, с. 227, а также решение

Комиссии по правам человека от 10 июля 1991 г. по делу «G. против Бельгии» [*G. v. Belgium*], жалоба № 12604/86, Сборник решений и докладов Комиссии по правам человека [DR], том 70, с. 125). Заявительницы утверждают, что заявление о несоответствии нельзя считать эффективным средством правовой защиты, потому что лица, по ходатайству которых оно было сделано, не могут инициировать внесение поправок в законодательство; кроме того, заявление о несоответствии не может быть обеспечено путём обращения в суд или государственный орган. Европейский Суд согласился с аналогичным доводом в делах по жалобам Хоббса против Соединённого Королевства, а также в делах по жалобам Стивена Доддса [*Steven Dodds*] и других заявителей против Соединённого Королевства (решение от 8 апреля 2003 г. по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы № 59314/00), Тимоти Уокера [*Timothy Walker*] против Соединённого Королевства (решение от 16 марта 2004 г. по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы № 37212/02), Сиднея Джорджа Пирсона против Соединённого Королевства [*Sydney George Pearson*] (решение от 27 апреля 2004 г. по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы № 8374/03) и, наконец, В. и Л. против Соединённого Королевства, в которых государство-ответчик приводило почти такие же доводы, что и в настоящем деле.

3. Оценка обстоятельств дела, произведённая Большой Палатой

40. Большая Палата напоминает, что в силу Закона «О правах человека» у органов исполнительной и законодательной власти не возникает юридической обязанности вносить изменения в законодательство после того, как было сделано заявление о несоответствии, и что главным образом по этой причине Европейский Суд ранее в ряде случаев приходил к выводу, что такое заявление нельзя считать эффективным средством правовой защиты по смыслу положений пункта 1 статьи 35 Конвенции (см. упомянутые выше решения Европейского Суда по жалобам Хоббса против Соединённого Королевства, Доддса против Соединённого Королевства, Уокера против Соединённого Королевства, Пирсона против Соединённого Королевства, В. и Л. против Соединённого Королевства, а также решение Европейского Суда от 11 апреля 2006 г. по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы № 29800/04, поданной Тимоти Аптоном [*Timothy Upton*] против Соединённого Королевства. Более того, в таких делах, как дела по жалобам Хоббса против Соединённого Королевства, Доддса против Соединённого Королевства, Уокера против Соединённого Королевства и Пирсона против Соединённого Королевства, заявители по которым утверждали, что в результате нарушения их конвенционных прав они потерпели убытки или понесли ущерб, Суд приходил к выводу, что заявление о несоответствии не является эффективным средством правовой защиты, потому что оно не имеет обязательной силы для сторон в деле, при рассмотрении которого оно было сделано, и не может служить основанием для присуждения денежной компенсации.

41. Большая Палата готова согласиться с доводом государства-ответчика, утверждающего, что можно провести различие между настоящим делом и делом по жалобе Хоббс против Соединённого Королевства, поскольку ни одна из заявительниц не жалуется на то, что в результате предполагаемого нарушения Конвенции она уже понесла материальный ущерб. Большая Палата внимательно изучила данные об изменениях законодательства на осно-

вании заявлений о несоответствии, представленные ей государством-ответчиком, и с удовлетворением отмечает, что во всех случаях, когда заявления о несоответствии на настоящий момент вступили в силу, были приняты меры по внесению поправок в противоречащие Конвенции нормы законодательства (см. выше, пункт 24 настоящего постановления). Тем не менее, принимая во внимание, что на сегодняшний день вступило в силу относительно небольшое количество таких заявлений, Большая Палата согласна с Палатой в том, что было бы преждевременно делать вывод, что процедура, предусмотренная статьёй 4 Закона «О правах человека», предоставляет лицам, обжалующим положения национального законодательства, эффективное средство правовой защиты.

42. Тем не менее Большая Палата не забывает о том, что принцип, согласно которому до обращения в международные судебные органы заявитель обязан воспользоваться средствами правовой защиты, существующими в национальной правовой системе, является важным аспектом предусмотренного Конвенцией механизма защиты прав человека (см. постановление Европейского Суда от 16 сентября 1996 г. по делу «Акдивар и другие заявители против Турции» [*Akdivar and Others v. Turkey*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [Reports] 1996-IV, § 65). Европейский Суд по правам человека призван играть субсидиарную роль по отношению к национальным системам защиты прав человека (там же, § 65—66), поэтому целесообразно, чтобы национальные суды первоначально имели возможность решать вопрос о соответствии национального законодательства требованиям Конвенции. Если же, несмотря на это, в Страсбург впоследствии будет подана жалоба, Европейский Суд должен использовать позицию национальных судов, находясь в непосредственном и постоянном контакте с соответствующими силами в их странах.

43. Большая Палата, как и Палата, считает: нельзя исключить, что когда-нибудь в будущем практика реализации заявлений национальных судов о несоответствии путём внесения изменений в законодательство станет настолько неизменной, что будет указывать на необходимость усматривать в статье 4 Закона «О правах человека» обязательство, имеющее юридическую силу. Когда это произойдёт, заявители до обращения с жалобой в Европейский Суд должны будут исчерпать это средство правовой защиты, за исключением тех случаев, когда эффективное средство правовой защиты потребует присуждения компенсации материального ущерба или морального вреда, уже причинённых предполагаемым нарушением Конвенции.

44. Однако пока что это не так, и поэтому Большая Палата отклоняет возражение государства-ответчика о неисчерпании заявительницами внутригосударственных средств правовой защиты.

С. Вывод

45. Соответственно, Европейский Суд отклоняет предварительные возражения государства-ответчика.

II. ВОПРОС О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ СО СТАТЬЕЙ 1 ПРОТОКОЛА № 1 К КОНВЕНЦИИ

А. Выводы, сделанные Палатой Европейского Суда

46. Палата Европейского Суда не согласилась с доводом государства-ответчика, которое, ссылаясь, помимо прочего, на упомянутое выше постановление Европейского

Суда по делу «Маркс против Бельгии», утверждало, что статья 1 Протокола № 1 к Конвенции не применяется, так как она не предусматривает права на приобретение имущества. Палата отметила, что заявительницы по настоящему делу, в отличие от заявительниц по делу «Маркс против Бельгии», жаловались не на то, что они не смогут приобрести имущество, а на то, что оставшаяся в живых сестра должна будет заплатить налог с уже существующего имущества, принадлежащего им на праве совместной собственности, и Палата сочла такой исход весьма вероятным. Поскольку обязанность по уплате налога с уже существующего имущества охватывается статьёй 1 Протокола № 1 к Конвенции, статья 14 Конвенции является применимой.

47. Палата оставила открытым вопрос о том, могли ли заявительницы утверждать, что их положение аналогично положению лиц, состоящих друг с другом в традиционном или однополном браке, и пришла к выводу, что различие в обращении с ними не противоречит статье 14 Конвенции по следующим причинам (§ 59—61):

«В связи с этим Европейский Суд напоминает вывод, к которому он пришёл в решении по жалобе Джоанны Шэкелл [*Joanna Shackell*] против Соединённого Королевства (решение от 27 апреля 2000 г. по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы № 45851/99): в целях предоставления социальных выплат различие в обращении с незамужней заявительницей, которая долгое время поддерживала отношения с покойным, и вдовой, находящейся в аналогичном положении, является оправданным, поскольку брак по-прежнему широко признаётся институтом, наделяющим вступающих в него лиц конкретным статусом. Поэтому, как решил в этом деле Суд, нельзя сказать, что стимулирование заключения браков путём предоставления пережившему супругу ограниченных льгот выходит за рамки предоставленной государству-ответчику свободы усмотрения. В настоящем деле Суд согласен с доводом государства-ответчика, согласно которому освобождение от уплаты налога на наследство лиц, состоящих друг с другом в традиционном или однополном браке, аналогичным образом преследует правомерную цель, а именно стимулирование прочных и устойчивых гетеросексуальных и гомосексуальных отношений путём предоставления пережившему супругу некоторого финансового обеспечения после смерти второго супруга. Конвенция в статье 12 прямо защищает право на вступление в брак, и Суд неоднократно приходил к выводу, что сексуальная ориентация — это понятие, попадающее в сферу действия статьи 14 Конвенции, а различия в обращении, основанные на сексуальной ориентации, должны быть оправданы особо серьёзными соображениями (см., например, постановление Европейского Суда по делу “Карнер против Австрии” [*Karner v. Austria*], жалоба № 40016/98, § 37, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2003-IX и упомянутые в нем другие постановления Европейского Суда). Государство нельзя критиковать за то, что оно проводит в налоговой сфере политику стимулирования заключения браков; нельзя его критиковать и за то, что оно предоставляет налоговые льготы, которые обычно ассоциируются с традиционным браком, преданным друг другу лицам одного пола.

При оценке соразмерности использованных средств преследуемой цели и, в частности, при рассмотрении вопроса о том, оправдан ли объективными и разумными соображениями отказ освободить совместно про-

живающих родных сестёр от уплаты налога на наследство, от которого освобождаются пережившие супруги в традиционном или однополном браке, Европейский Суд не забывает ни о правомерности целей социальной политики, лежащих в основе освобождения от уплаты этого налога, ни о широкой сфере усмотрения, которое применяется в этой области <...>. Для того чтобы быть эффективной, любая налоговая система должна оперировать широкими категориями, позволяющими выделять различные группы налогоплательщиков (см. решение Комиссии по правам человека от 11 ноября 1986 г. по делу “Линдсей против Соединённого Королевства” [*Lindsay v. the United Kingdom*], жалоба № 11089/84, Сборник решений и докладов Комиссии по правам человека [*Decisions and Reports*], том 49, с. 181). Реализация любой такого рода схемы неизбежно должна привести к возникновению пограничных ситуаций и отдельных примеров явных трудностей или несправедливости, и вопрос о том, как наилучшим образом уравновесить повышение государственных доходов и достижение социальных целей, должен решаться прежде всего государством. Законодатель мог бы предоставить льготы по налогу на наследство по иным основаниям: в частности, он мог бы сделать так, чтобы понятие традиционного или однополного брака перестало быть определяющим фактором в этом отношении, распространить налоговые льготы на родных братьев и сестёр или на других совместно проживающих членов одной семьи и (или) предоставлять налоговые льготы, руководствуясь такими критериями, как длительность совместного проживания, близость кровного родства, возраст сторон и т.п. Однако центральным вопросом с точки зрения Конвенции является не то, что для освобождения от уплаты налога на наследство можно было бы выбрать иные критерии, а то, выходит ли за рамки допустимой свободы усмотрения фактически выбранный законодателем вариант, согласно которому для целей налогообложения допускается различное обращение с лицами, состоящими друг с другом в традиционном или однополном браке, и прочими совместно проживающими субъектами, даже если они поддерживают между собой длительные и устойчивые отношения.

В обстоятельствах настоящего дела Европейский Суд приходит к выводу: нельзя сказать, что Соединённое Королевство вышло за рамки предоставленной ему широкой свободы усмотрения. Различие в обращении в области освобождения от уплаты налога на наследство для целей статьи 14 Конвенции было оправдано разумными и объективными соображениями. Соответственно, по настоящему делу не было допущено нарушения требований этой статьи Конвенции во взаимосвязи со статьёй 1 Протокола № 1 к Конвенции».

В. Доводы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

1. Доводы, представленные Европейскому Суду государством-ответчиком

48. Государство-ответчик подчёркивает, что статья 1 Протокола № 1 к Конвенции не предусматривает права на приобретение имущества. При рассмотрении дел, касающихся норм национального законодательства в области наследования имущества, Европейский Суд неизменно приходил к выводу, что до смерти наследодателя предполагаемый наследник не имеет никаких имущественных прав, и поэтому его надежды на получение имущества в случае смерти наследодателя не могут считаться «иму-

ществом» (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Маркс против Бельгии», § 50, а также упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Инзе против Австрии», § 38 и постановление Европейского Суда по делу «Мазурек против Франции» [*Mazurek v. France*], жалоба № 34406/96, § 42—43, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECtHR*] 2000-II). Поскольку обе заявительницы ещё живы и в жалобе каждой из них говорится о потенциальном воздействии, которое законодательство Соединённого Королевства может впоследствии оказать на её право наследовать имущество, если одна из них переживёт другую, статья 1 Протокола № 1 Конвенции неприменима, а значит, статья 14 Конвенции тоже не должна применяться. Что касается жалобы, поданной каждой из сестёр исходя из предположения, что она скончается первой, она также не охватывается статьёй 1 Протокола № 1 к Конвенции, так как законодательство Соединённого Королевства никоим образом не ограничивает права заявительниц распоряжаться своим имуществом, а всего лишь предусматривает потенциальную обязанность по уплате налога в случае смерти одной из сестёр, когда та уже не сможет воспользоваться своим имуществом.

49. В качестве альтернативного довода на случай, если Европейский Суд придёт к выводу, что жалоба заявительниц охватывается статьёй 1 Протокола № 1 к Конвенции, государство-ответчик отрицает, что право Соединённого Королевства даёт повод к какой-либо дискриминации в нарушение статьи 14 Конвенции.

Во-первых, заявительницы не могут утверждать, что они находятся в таком же положении, что и лица, состоящие друг с другом в традиционном или однополном браке. Отношения между ними по самой своей сути отличаются от отношений в браке, так как супруги и лица, на которых распространяется действие Закона «Об однополых браках», решили вступить между собой в официальную, признанную законом связь, со множеством вытекающих из этого юридических последствий, а отношения между сёстрами возникли по факту их рождения. Во-вторых, связь между родными братьями и сёстрами не может быть разрушена, а связь между лицами, состоящими в традиционном или однополном браке, может прекратиться. В-третьих, лица, заключившие традиционный или однополый брак, вступив между собой в официальную связь, взяли друг перед другом финансовые обязательства, и в случае развода суд может произвести раздел их имущества и обязать одного супруга содержать другого. Отношения между родными братьями и сёстрами не предполагают такого рода финансовых обязательств.

Особый правовой статус лиц, состоящих в браке, был признан Комиссией по правам человека в деле «Линдсеи против Соединённого Королевства» (решение Комиссии по правам человека от 11 ноября 1986 г., жалоба № 11089/84, Сборник решений и докладов Европейской комиссии по правам человека [*Decisions and Reports*], том 49, с. 181) и Европейским Судом по жалобе Шэклл против Соединённого Королевства (решение от 27 апреля 2000 г. по жалобе № 45851/99).

50. Государство-ответчик допускает, что если положение заявительниц и можно приравнять к положению супругов, то в том, что касается освобождения от уплаты налога на наследство, имеет место различие в обращении с ними. Тем не менее это различие в обращении не выходит за рамки свободы усмотрения, которой пользуется государство и в сфере налогообложения, и в вопросах создания финансовых стимулов к вступлению в брак (см. решения по жалобам Линдсеев против Соеди-

нённого Королевства и Шэклл против Соединённого Королевства).

В основе предоставления льгот по налогу на наследство супругам лежит стремление предоставить пережившему супругу определённое финансовое обеспечение и, таким образом, стимулировать вступление в брак. Закон «Об однополых браках» был принят с целью предусмотреть для состоящих в таком браке лиц официальный механизм признания и узаконивания их отношений, а предоставление льгот по налогу на наследство лицам, состоящим в однополном браке, преследует ту же правомерную цель, что и предоставление этих льгот лицам, состоящим в традиционном браке. С учётом изменений в позиции общества эти же доводы оправдывают стимулирование прочных и устойчивых отношений между лицами одного пола. Этой цели нельзя было бы достичь путём распространения аналогичных льгот на не состоящих друг с другом в браке членов уже существующей семьи, как, например, родных сестёр, связь между которыми уже существует благодаря их кровному родству и признана законом. Таким образом, различие в обращении, о котором идёт речь в деле, преследует правомерную цель.

51. Кроме того, данное различие в обращении является соразмерным, поскольку заявительницы, будучи родными сёстрами, не брали на себя никаких обременений и обязательств, которые влечёт за собой вступление в признаваемый законом традиционный или однополый брак. Если рассмотреть вопрос о распространении льгот по налогу на наследство на родных братьев и сестёр, то нет никаких очевидных препятствий к тому, чтобы распространить их и на других совместно проживающих членов одной семьи. Такие изменения повлекли бы за собой значительные финансовые последствия, если учесть, что плательщики налога на наследство приносят в бюджет страны порядка 2,8 миллиардов фунтов стерлингов в год.

2. Доводы, представленные Европейскому Суду заявительницами

52. Заявительницы утверждают, что если — как они уже заявляли при рассмотрении дела Палатой Европейского Суда — они могут считаться жертвами дискриминации, тот факт, что ни одна из них пока ещё не скончалась, не может считаться самостоятельной линией защиты по существу вопроса. В отличие от заявительниц по делу «Маркс против Бельгии», они не обжалуют положения английского наследственного права, а принцип, согласно которому Конвенция не гарантирует права на наследование имущества при отсутствии завещания или вследствие добровольного отчуждения этого имущества, не имеет отношения к настоящему делу. Практически неизбежно, что пережившая сестра должна будет заплатить значительный налог, а на эти обстоятельства распространяется действие статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции; следовательно, статья 14 Конвенции также является применимой.

53. Можно со всеми основаниями считать, что заявительницы находятся в таком же положении, что и лица, состоящие друг с другом в традиционном или однополном браке. Действительно, как утверждает государство-ответчик, многих родных братьев и сестёр не связывает ничего, кроме общих родителей, но это далеко не так в случае с заявительницами по настоящему делу, которые в течение нескольких десятков лет поддерживают между собой устойчивые отношения любви и преданности, проживая совместно в своём единственном доме и не вступая в связь ни с кем иным. В этих обстоятельствах

их действия точно так же отражают их решения, касающиеся определения их собственной судьбы и личностного развития, как если бы они состояли между собой в традиционном или однополном браке. То, что суды Соединённого Королевства могут при расторжении традиционного или однополого брака принимать решения имущественного характера, не означает, что заявительницы с точки зрения налога на наследство не находятся в том же положении, что и супружеские пары. Кроме того, закон наделяет заявительниц теми же юридическими правами и обязанностями, что и супругов, именно потому, что они, будучи кровными родственницами, не могут вступить друг с другом в однополый брак. Они не обжалуют запрет вступить друг с другом в однополый брак в общем плане, так как их опасения касаются главным образом дискриминации при взимании налога на наследство. Заявительницы утверждают, что они вступили бы между собой в однополый брак, будь у них такая возможность. Государство-ответчик совершает логическую ошибку, используя против заявительниц именно тот факт, что они не могут этого сделать.

54. Учитывая, что — согласно утверждениям государства-ответчика — целью освобождения от уплаты налога на наследство лиц, состоящих друг с другом в традиционном или однополном браке, является стимулирование прочных и устойчивых отношений, отказ освободить от уплаты этого налога совместно проживающих совершеннолетних родных сестёр не служит никакой правомерной цели. Сам по себе тот факт, что они сёстры, не приводит к прочным и устойчивым отношениям; по-видимому, лишь очень немногие взрослые сёстры поддерживают между собой столь же прочные связи, характеризующиеся долговременной взаимной поддержкой, преданностью друг другу и совместным проживанием, что и заявительницы.

55. Заявительницы согласны с государством-ответчиком в том, что, если освободить от уплаты налога на наследство родных братьев и сестёр, не будет никаких объективных препятствий к тому, чтобы освободить от его уплаты и других совместно проживающих членов одной семьи. Тем не менее, по их мнению, это не подкрепляет вывод о существовании какого-то соотношения соразмерности между указанным различием в обращении и той или иной правомерной целью. Они считают, что на самом деле освобождение от уплаты налога на наследство будет служить политическим интересам, на которые ссылается государство-ответчик, а именно стимулированию прочных и устойчивых семейных взаимоотношений между взрослыми людьми. Заявительницы согласны с тем, что Европейский Суд не вправе указывать государству-ответчику оптимальный способ устранения дискриминации. Тем не менее принятая Палатой лордов поправка к законопроекту об однополых браках (см. выше, пункт 19 настоящего постановления) показывает, что можно было бы предусмотреть в законе механизм, посредством которого две родные сестры или двое иных близких родственников, которые проживают совместно в течение определённого количества лет, не вступая между собой в традиционный или однополый брак, могли бы получить некоторые налоговые права или льготы. Ссылка государства-ответчика на свободу усмотрения неуместна, если учесть, что в ходе обсуждения Закона «Об однополых браках» Парламент Соединённого Королевства признал несправедливость, с которой сталкиваются те, кто находится в таком же положении, что и заявительницы (там же). Заявительницы обращают внимание на то, что государство-ответчик не смогло представить прогноз снижения доходов бюджета в ре-

зультате освобождения от уплаты налога на наследство в соответствии с предложениями Палаты лордов. Заявительницы признают, что они тоже не могут сделать такой прогноз, но указывают, что снижение доходов бюджета было бы компенсировано потенциальными выгодами, например, тем, что благодаря освобождению от уплаты налога люди стали бы чаще соглашаться ухаживать за своими нетрудоспособными или престарелыми близкими родственниками, вследствие чего отпала бы необходимость поддерживать последних за счёт государства.

С. Доводы, представленные Европейскому Суду государствами, вступившими в производство по делу в качестве третьей стороны

1. Доводы властей Бельгии

56. По мнению властей Бельгии, государство в рамках своей налоговой системы вправе проводить политику, направленную на стимулирование заключения браков, и предоставлять льготы, которые обычно влечёт за собой заключение брака, лицам одного пола, поддерживающим между собой прочные отношения. Такая политика преследует общую цель защиты данного вида семейной жизни, которая, с точки зрения национального законодателя, наиболее перспективна с точки зрения устойчивости.

2. Доводы властей Республики Ирландия

57. По мнению властей Ирландии, заявительницы не показали, что они подверглись дискриминации в нарушение статьи 14 Конвенции, поскольку все их жалобы исходят из ошибочного в своей основе предположения, что они находятся в такой же ситуации, что и лица, состоящие друг с другом в традиционном или однополном браке. В своих доводах заявительницы не указывают ни на какие существенные юридические обязательства, которые возникают вследствие вступления в традиционный или однополый брак. Не существует ни одного единого и однородного критерия, на основании которого можно было бы сравнить положение заявительниц и этих лиц; на самом деле из доводов заявительниц ясно следует, что их положение аналогично положению не лиц, состоящих друг с другом в традиционном или однополном браке, а любых совместно проживающих лиц, поддерживающих между собой устойчивые отношения взаимной поддержки. Было бы поистине странно, если бы введение в действие законодательства, предоставляющего права лицам одного пола, решившим официально зарегистрировать свои отношения, могло бы повлечь за собой появление у государства обязанности распространить предоставленные в связи с этим права на потенциально неограниченную категорию совместно проживающих лиц.

D. Оценка обстоятельств дела, произведённая Большой Палатой

58. Большая Палата напоминает, что статья 14 Конвенции дополняет другие материально-правовые положения Конвенции и Протоколов к ней. Указанная статья не играет независимой роли, а действует исключительно по отношению к «пользованию правами и свободами», которые гарантируются этими положениями. Для применения статьи 14 Конвенции не требуется, чтобы было нарушено одно из материальных прав, которые гарантирует Конвенция. Необходимо, но также и достаточно, чтобы на обстоятельства дела распространялось действие одной или нескольких статей Конвенции (см.

решение Большой Палаты Европейского Суда от 6 июля 2005 г. по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалоб № 65731/01 и 65900/01, поданных Анной Стэк [*Anna Stec*] и другими заявителями против Соединенного Королевства, § 39, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2005-X).

59. Взимание налогов в принципе представляет собой вмешательство в осуществление права, которое гарантируется первым абзацем статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, так как оно лишает человека имущества, а именно суммы денег, которую он должен уплатить. Обычно это вмешательство является оправданным с точки зрения второго абзаца указанной статьи, который прямо предусматривает исключение в отношении уплаты налогов или других сборов. Тем не менее данный вопрос подлежит контролю со стороны Европейского Суда, поскольку Суд следит за тем, чтобы статья 1 Протокола № 1 к Конвенции применялась надлежащим образом (см., например, решение Европейского Суда от 13 января 2004 г. по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы № 43783/98, поданной Обществом с ограниченной ответственностью «Орион-Бржецлав» [*Orion-Břeclav, SRO*] против Чешской Республики. Поскольку в жалобе заявителей речь идет об обязанности оставшей в живых сестры уплатить налог с имущества, унаследованного ей от той сестры, которая скончалась первой, Большая Палата считает, что на эту жалобу распространяется действие статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции и что статья 14 Конвенции, таким образом, является применимой.

60. Согласно прецедентной практике Европейского Суда, для того чтобы можно было предполагать нарушение статьи 14 Конвенции, должно иметь место различие в обращении с лицами, находящимися в сходном положении (постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «D.H. и другие заявителя против Чешской Республики» [*D.H. and Others v. the Czech Republic*], жалоба № 57325/00, § 175, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2007). Такое различие в обращении является дискриминацией, если оно не оправдано никакими объективными и разумными соображениями, другими словами, если оно не преследует никакой правомерной цели или если отсутствует разумное соотношение соразмерности между задействованными средствами и поставленной целью. Договаривающиеся Государства пользуются некоторой свободой усмотрения при определении того, оправдывают ли различия в ситуациях, сходных во всех иных отношениях, указанное различие в обращении, и если да, то в какой мере. Когда речь идет о стратегических мерах общего характера в экономической или социальной сфере, эта свобода усмотрения обычно велика (постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Стэк и другие заявители против Соединенного Королевства», жалобы № 65731/01 и № 65900/01, § 51—52, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2006-VI).

61. Заявительницы утверждают, что для целей, связанных с налогом на наследство, они находятся в сходном или аналогичном положении по сравнению с совместно проживающими лицами, состоящими друг с другом в традиционном или однополном браке. Государство-ответчик, тем не менее, утверждает, что на самом деле это не так, поскольку связь между заявительницами возникла по факту рождения, а не в силу их решения вступить между собой в официальный и признаваемый законом союз.

62. Прежде всего, Большая Палата отмечает, что отношения между родными сестрами имеют качественно иной характер, чем отношения между супругами, состоящими в традиционном браке, и отношения между лицами одного пола, предусмотренные Законом Соединенного Королевства «Об однополых браках». Связь между родными сестрами по самой своей сути опосредована кровными узами, в то время как одна из определяющих характеристик традиционного брака или союза, предусмотренного Законом «Об однополых браках», — это запрет вступать в него близким родственникам, являющимся членами одной семьи (см. выше, пункт 17 настоящего постановления и, в общем плане, упомянутое выше решение Европейского Суда по жалобе В. и Л. против Соединенного Королевства). Тот факт, что заявительницы решили прожить вместе всю свою взрослую жизнь, как это делают многие люди, состоящие друг с другом в традиционном или однополном браке, никак не отражается на этом существенном различии между двумя указанными видами отношений.

63. Кроме того, Большая Палата отмечает, что, как она уже выяснила, брак наделяет вступающих в него лиц особым статусом. Осуществление права на вступление в брак охраняется статьей 12 Конвенции и влечет за собой социальные, личные и правовые последствия (упомянутое выше решение Европейского Суда по жалобе В. и Л. против Соединенного Королевства, § 34). В упомянутом выше решении по жалобе Шэкелл против Соединенного Королевства Европейский Суд пришел к выводу, что положение двух совместно проживающих лиц разного пола, состоящих или не состоящих в браке, нельзя сравнивать с положением супругов с точки зрения предоставления льгот одному из них после смерти другого, так как «брак по-прежнему широко признается институтом, наделяющим вступающих в него лиц особым статусом». Большая Палата считает, что это утверждение по-прежнему истинно.

64. С момента вступления в силу Закона «Об однополых браках» в Соединенном Королевстве у лиц одного пола теперь есть возможность вступить в юридически действительный союз, который Парламент максимально приравнял к традиционному браку (см. выше, пункты 16—18 настоящего постановления).

65. Как и в том, что касается традиционного брака, Большая Палата полагает, что правовые последствия вступления в однополый брак, предусмотренный Законом 2004 года, по ясно выраженному добровольному решению обеих сторон отличают этот вид отношений от иных форм совместного проживания. Определяющим фактором здесь является не продолжительность отношений, имеющих характер взаимной поддержки, а существование публичного обязательства, в силу которого возникает ряд прав и обязанностей договорного характера. Нельзя сравнивать положение лиц, состоящих друг с другом в традиционном или однополном браке, с одной стороны, и положение лиц одного или разного пола, которые решили жить вместе, не вступая друг с другом в традиционный или однополый брак, с другой стороны (см. упомянутое выше решение Европейского Суда по жалобе Шэкелл против Соединенного Королевства). Аналогичным образом, тот факт, что заявительницы не заключали такого юридически обязательного соглашения, представляет собой коренное отличие существующих между ними отношений совместного проживания, сколь бы продолжительными они ни были, от отношений лиц, состоящих друг с другом в традиционном или однополном браке. Этот вывод не меняется из-за того, что, как отмечалось выше, в пункте 26 постановления, государства —

члены Совета Европы установили для лиц, состоявших друг с другом в традиционном или однополном браке, и для лиц, приходившихся друг другу близкими родственниками, множество самых разных правил наследования имущества одним из них в случае смерти другого и проводят разную политику в части освобождения от уплаты налога на наследство различных категорий оставшихся в живых лиц, которые состояли с умершими в указанных отношениях; в принципе государства по-прежнему могут свободно устанавливать различные правила в сфере налоговой политики.

66. Поэтому, подводя итоги, Большая Палата приходит к выводу, что положение заявительниц — совместно проживающих родных сестёр — нельзя для целей применения статьи 14 Конвенции сравнивать с положением лиц, состоящих друг с другом в традиционном или однополном браке. Следовательно, заявительницы не подверглись дискриминации, и по делу властями государства-ответчика не было допущено нарушения требований статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьёй 1 Протокола № 1 к Конвенции.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД

1. *отклонил* предварительные возражения государства-ответчика (принято единогласно);

2. *постановил*, что по делу властями государства-ответчика не было допущено нарушения требований статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьёй 1 Протокола № 1 к Конвенции (принято пятнадцатью голосами «за» и двумя голосами «против»).

Совершено на английском языке и на французском языке и оглашено на публичном слушании дела во Дворце прав человека, г. Страсбург, 29 апреля 2008 г.

Винсент Берже,
главный
юридический советник
Европейского Суда

Жан-Поль Коста,
Председатель
Большой Палаты
Европейского Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему постановлению прилагаются следующие отдельные мнения судей¹:

- a) совпадающее мнение судьи Н. Братца;
- b) совпадающее мнение судьи Давида Тор Бьоргвинссона;
- c) особое мнение судьи Б. Зупанчича;
- d) особое мнение судьи Х. Боррего Боррего.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ Н. БРАТЦА

Большая Палата Европейского Суда пришла к тому же выводу, что и Палата, однако несколько иным путём. Как следует из постановления (пункт 47), Палата оставила открытым вопрос о том, могут ли заявительницы, будучи родными сёстрами, утверждать, что их положение аналогично положению лиц, состоящих друг с другом в традиционном или однополном браке, постановив, что различие в обращении с ними в любом случае было оправдано разумными и объективными соображениями, если принять во внимание широкую свободу усмотре-

ния, которой пользуются государства в вопросах налогообложения. Большая Палата предпочла положить в основу своего решения отсутствие аналогии между положением лиц, которые вступили друг с другом в юридически обязательный традиционный или однополый брак, с одной стороны, и лиц, которые, подобно заявительницам, совместно проживают в течение долгого времени, с другой стороны.

Хотя я полностью разделяю мнение большинства судей Большой Палаты о том, что по делу властями государства-ответчика не было допущено нарушения статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьёй 1 Протокола № 1 к Конвенции, я по-прежнему отдаю предпочтение тем соображениям, на основе которых к этому выводу пришла Палата Европейского Суда.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ДЭВИДА ТОР БЬОРГВИНСОНА

Я разделяю позицию большинства судей в том, что по делу властями государства-ответчика не было допущено нарушения статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьёй 1 Протокола № 1 к Конвенции. Тем не менее я предпочитаю мотивировать этот вывод другими соображениями.

Когда в том или ином деле применяется статья 14 Конвенции, требуется ответить, по сути, на два вопроса: во-первых, имело ли место различие в обращении с лицами, находящимися в сходном или аналогичном положении; а во-вторых, если различие в обращении с ними действительно имело место, было ли оно оправданно.

Большинство судей в пунктах 62—65 постановления пришло к выводу, что совместно проживающих сестёр нельзя для целей применения статьи 14 Конвенции сравнивать с лицами, состоящими друг с другом в традиционном или однополном браке. Вследствие этого они не находятся в сходном или аналогичном положении по сравнению с этими лицами, и требования статьи 14 Конвенции нарушены не были.

Ход рассуждений большинства судей, изложенный в пунктах 62—65 постановления, является, на мой взгляд, некорректным, так как он основан на сопоставлении обстоятельств разного характера, которые с точки зрения логики сравнивать нельзя. Во многом он основан на отсылке к особой нормативной базе, которая применяется к лицам, состоящим друг с другом в традиционном или однополном браке, но не применяется к заявительницам — совместно проживающим сёстрам. Тем не менее, несмотря на то, что, строго говоря, жалоба касается лишь различия в обращении применительно к налогу на наследство, в более широком плане в ней, по сути, идёт речь о применении различных правил и о том, что, будучи кровными родственниками, заявительницы не могут заключить юридически обязательное соглашение, как в случае вступления в традиционный или однополый брак, в результате чего к ним можно было бы применить соответствующую нормативную базу, в том числе и нормы, касающиеся налога на наследство.

Я полагаю, что в этих обстоятельствах любое сопоставление отношений между заявительницами, с одной стороны, и отношений между лицами, состоящими друг с другом в традиционном или однополном браке, с другой стороны, следует осуществлять без отдельной отсылки к различиям в подлежащих применению правовых нормах, сосредоточившись исключительно на существенных или

¹ Согласно правилу 74 («Содержание постановления») Регламента Европейского Суда по правам человека каждый судья, принимавший участие в рассмотрении дела, имеет право приложить к постановлению Суда свое отдельное мнение, совпадающее с мнением большинства, либо отдельное особое мнение, либо просто свое «заявление о несогласии». Совпадающим мнением [*concurring opinion*] называют мнение, которое совпадает с мнением большинства по существу дела, но расходится в вопросах его обоснования (*примечание редакции*).

материальных различиях в самом характере отношений между этими категориями. Несмотря на существенные отличия, в основном в том, что касается полового характера связи между лицами, состоящими друг с другом в традиционном или однополном браке, когда речь идёт о решении начать совместную жизнь и об отношениях взаимной привязанности, в большинстве практических аспектов повседневной жизни, а также в финансовых вопросах отношения между заявительницами по настоящему делу, вообще и для целей освобождения от уплаты налога на наследство, которого они добиваются, в частности, имеют больше общих черт, чем различий по сравнению с отношениями между лицами, состоящими друг с другом в традиционном или однополном браке. Тем не менее закон не даёт им заключить друг с другом соглашение, аналогичное вступлению в традиционный или однополый брак, что повлекло бы за собой применение к ним соответствующей нормативной базы, в том числе и норм, касающихся налога на наследство. Поэтому я не убеждён, что отношения между заявительницами, совместно проживающими сёстрами, нельзя для целей применения статьи 14 Конвенции сравнивать с отношениями между лицами, состоящими друг с другом в традиционном или однополном браке. Напротив, в данном деле налицо различие в обращении с лицами, положение которых в значительной степени сходно и аналогично.

Далее возникает вопрос о том, оправдано ли различие в обращении с ними объективными и разумными соображениями. По существу, я согласен с ходом рассуждений по этому вопросу, отражённым в пунктах 59—61 постановления Палаты, который приводится в пункте 47 постановления Большой Палаты, а именно что с точки зрения освобождения от уплаты налога на наследство данное различие в обращении оправдано разумными и объективными соображениями.

В связи с этим не следует забывать и о том, что институт брака тесно связан с концепцией семьи — мужчины, женщины и их детей — как одного из институтов, лежащих в основе социальной структуры не только Соединённого Королевства, но и других государств — членов Совета Европы. Именно этому тезису обязан своим появлением с течением времени целый ряд норм и частного, и публичного права. Эти нормы касаются заключения брака, взаимных прав и обязанностей супругов и в личных, и в финансовых вопросах (в том числе и при наследовании имущества), прав и обязанностей родителей по отношению к детям, если таковые имеются, а также прав и обязанностей в налоговой сфере (в том числе и в том, что касается налога на наследство), в области социального обеспечения и в иных сферах. Во многих государствах — членах Совета Европы эти или аналогичные правовые нормы постепенно, шаг за шагом — главным образом по инициативе органов законодательной власти соответствующих стран — стали применяться не только к отношениям, традиционно ассоциировавшимся с браком в строго юридическом его понимании, но и на отношения лиц, состоящих в однополном браке; таким образом законодатель отреагировал на новые социальные реалии и на изменение моральных и социальных ценностей. Важно, тем не менее, иметь в виду, что — хотя шаги, сделанные в этом направлении, и могут показаться позитивными с точки зрения уравнивания прав — потенциально каждый такой шаг влечёт за собой серьёзные и далеко идущие последствия для социальной структуры общества, равно как и юридические последствия, отражаясь на системе социально-

го обеспечения и налоговой системе соответствующих стран. Именно по этой причине Европейскому Суду не следует брать в свои руки инициативу в данном вопросе и налагать на государства — члены Совета Европы обязательство по расширению сферы применения этих норм, не имея чёткого представления о последствиях, которые это может повлечь за собой в различных государствах — членах Совета Европы. На мой взгляд, свобода усмотрения государства-ответчика должна позволять ему принимать решения о том, когда и насколько будет расширена сфера применения упомянутых норм.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЗУПАНЧИЧА

Я голосовал за то, чтобы признать Конвенцию нарушенной в этом деле, по соображениям, которые имеют весьма отдалённое отношение к политике и ценностям, но имеют самое непосредственное отношение к формальной логике. Другими словами, позиция большинства судей — логически непоследовательна. Самый простой способ объяснить это — сказать, что, когда человек в определённых ситуациях говорит «А», он, с точки зрения логики, должен сказать и «Б». Вопрос, который поднимает настоящее дело, это, конечно, вопрос о дискриминации двух незамужних сестёр, много лет проживших вместе под одной крышей, с точки зрения освобождения от уплаты налога на наследство. Состарившись, они захотели получить право на освобождение от уплаты налога на наследство, так как в Соединённом Королевстве законодатель не требует уплаты этого налога от других пар, совместно проживающих в одном доме.

Это вводит нас прямо в *medias res*¹ налогового права. Политика в сфере налогообложения, несомненно, очень важна, так как она создаёт финансовые стимулы к определённым решениям, которые склонны принимать люди. Например, если целью законодателя было бы стимулировать заключение браков между лицами разного пола, было бы логично ввести определённые налоговые льготы, преимущества, стимулы для совместно проживающих супружеских пар независимо от того, есть у них дети или нет. Если законодатель хочет повысить рождаемость, он оставит эти же традиционные налоговые стимулы только для тех совместно проживающих супружеских пар, у которых есть дети. Если законодатель стремится снизить количество разводов, он предоставит эти преимущества тем супружеским парам, которые поддерживают между собой прочные отношения.

Что касается разумных целей, ради которых создаются эти стимулы, законодатель может их раскрывать, а может и не раскрывать. Но даже если они полностью раскрыты, это не означает, что они полностью предсказуемы. Эти налоговые стимулы действуют наряду со множеством других факторов, в том числе со множеством других позитивных и негативных налоговых стимулов. В любом случае, налоговая политика — это не только экономическая, но и замаскированная социальная политика. Например, прогрессивная шкала налогообложения — это экономический фактор, обладающий мощным уравнивающим воздействием и сглаживающий многие неприглядные аспекты стратификации общества.

Что касается политики в области налога на наследство, здесь порой применялись радикальные решения. Чрезвычайно высокий налог на наследство, например, может указывать на то, что законодатель отдаёт предпочтение заработанному, а не унаследованному состоянию. Как бы то ни было, политика в области налога на наслед-

¹ *Medias res* (лат.) — в суть дела (примечание редакции).

ство — это не просто процесс принятия прямолинейных решений. Скорее это составная часть сложной системы экономических решений, которые оказывают огромное влияние на распределение материальных благ и, таким образом, на структуру общества в целом.

Прежде чем мы перейдём к вопросу о дискриминации, давайте отметим, что дискриминация как таковая означает просто придумывание и создание различий. Это значение, кроме того, вытекает из латинского слова *discriminare*. Все решения, принимаемые во все времена всеми тремя ветвями власти, касаются выбора разных решений и их реализации в разных ситуациях. В этом смысле в дискриминации нет ничего плохого, если только создание различий в том или ином конкретном случае не имеет отношения к тому, что в конституционном праве называется «классом лиц, сгруппированных по вызывающим подозрение основаниям», например, основания, перечисленные в статье 14 Европейской конвенции о правах человека. Другими словами, там, где речь идёт о половой или расовой принадлежности, цвете кожи, языке, религии, политических или иных взглядах, национальном или социальном происхождении, принадлежности к меньшинствам, имущественном положении, статусе по рождению или ином статусе, дискриминация в принципе запрещается. Эти классы лиц, к слову сказать, просто являются исключением из общего правила, допускающего применение любых дифференцированных решений к прочим классам лиц, не сгруппированным по вызывающим подозрение основаниям. Запрет дискриминации, которая реализует различия, — это, таким образом, исключение, а не правило.

Когда речь заходит о классах лиц, сгруппированных по вызывающим подозрение основаниям, это не означает категорического запрета дискриминации. Скорее это означает, что применительно к этим классам дискриминация допускается с соблюдением требований равной защиты законов, соразмерности и разумности. Дискриминация может допускаться даже в классах лиц, сгруппированных по вызывающим подозрение основаниям, если цель, которую она преследует, достаточно важна, а закон или иное рассматриваемое решение рационально соотносится с этим достаточно важным интересом.

Понятно, что некоторые основания, упомянутые в статье 14 Конвенции, например, расовое или национальное происхождение, требуют применения самых строгих критериев рассмотрения. Согласно этим критериям, решение (или закон, на котором оно основано) будет оставлено в силе, только если оно приспособлено к тому, чтобы служить важному государственному интересу. Когда речь заходит о дискриминации по половому признаку или по признаку рождения вне брака, решение будет считаться незаконным согласно промежуточному критерию, если только оно по существу не связано с каким-либо достаточно важным интересом.

Наиболее мягкие критерии соразмерности (разумности) применяются к социальным и экономическим вопросам. Как раз о них и идёт речь в настоящем деле. Здесь эти критерии требуют ответить на вопрос, действительно ли законодательство, являющееся предметом спора, рационально соотносится с правомочным государственным интересом. Другими словами, вопрос заключается в том, действительно ли отказ освободить от уплаты налога двух сестёр Бёрденов рационально соотносится с правомочным государственным интересом.

Разумеется, всегда можно сказать, что у государства есть правомочный интерес в сборе денежных средств с

налогоплательщиков в виде налогов. Это относится и к налогу на наследство, который уплачивается после смерти наследодателя, имущество которого облагается этим налогом при переходе в порядке наследования к другому лицу. Какой же правомочный интерес государства стоит за этим видом налогообложения?

Сложно полагать, что в основе взимания налога при переходе имущества после смерти наследодателя лежат какие-то правомочные соображения. Например, можно было бы утверждать, что государство добавляет к ущербу оскорбление, облагая налогом имущество, оставленное пережившим близким родственникам. В этом смысле можно представить себе шкалу налогообложения, прогрессивность которой была бы прямо пропорциональна близости родства умершего и пережившего его родственника. Однако это всего лишь один аспект взимания налога на наследство, указывающий, возможно, на то, как много вопросов вызывает этот вид налога в принципе.

Поэтому, когда речь заходит о дифференциации между различными категориями с точки зрения взимания налога на наследство, по сути, трудно утверждать, что предоставление преимуществ какой-то одной категории в ущерб другой рационально соотносится с каким-либо правомочным государственным интересом. Тем не менее, раз мы считаем налог на наследство чем-то нормальным, дифференциация между различными категориями для целей взимания этого налога приобретает решающее значение.

Если государство решило не облагать налогом на наследство супругов, в нашем деле с этого момента появляются подозрения в том, что имеет место дискриминация. Государство может со всеми основаниями утверждать, что близкие отношения двух лиц являются достаточным основанием для освобождения их от уплаты налога. Другими словами, если люди не состоят в браке, они *a priori*¹ не имеют права на освобождение от уплаты налога. Наличие наличие порогового критерия.

Тем не менее, когда государство принимает решение распространить эту привилегию на другие виды союзов, это категоричное различие нарушается, и появляется повод пересмотреть вопрос о том, действительно ли отказ в предоставлении налоговых льгот другим видам союзов рационально соотносится с правомочным государственным интересом.

Большинство судей рассматривает эти вопросы в пунктах 62—65 постановления. В пункте 62 большинство судей отмечает, что «отношения между родными сёстрами имеют качественно иной характер, чем отношения между супругами, состоящими в традиционном браке, и отношения между лицами одного пола, предусмотренные Законом Соединённого Королевства “Об однополых браках”». Связь между родными сёстрами по самой своей сути опосредована кровными узами, в то время как одна из определяющих характеристик традиционного брака или союза, предусмотренного Законом “Об однополых браках”, — это запрет вступать в него близким родственникам, являющимся членами одной семьи». В этом месте я спрашиваю себя: почему кровное родство менее важно, чем отношения между лицами, состоящими друг с другом в традиционном или однополым браке? Конечно, кровное родство — это не то же самое, что половые связи, но это не влияет, по сути, на степень близости лиц, о которых идёт речь.

Можно легко опровергнуть этот довод и сказать, например, что однояйцевые близнецы, состоящие между собой в кровном родстве, значительно ближе друг к другу

¹ *A priori* (лат.) — здесь: изначально (примечание редакции).

генетически и во всех остальных аспектах, фактически являясь клонами друг друга, чем кто-то вообще может быть по отношению к кому-то другому. И всё-таки, если сёстры Бёрден были бы близнецами, они не имели бы права на освобождение от уплаты налога на наследство, в отличие от лиц, которые состоят друг с другом пусть даже в самых эфемерных и хрупких отношениях. Так в силу чего возникает качественное различие, на которое ссылается большинство судей? Или в основе рационального соотношения с правомерным государственным интересом лежит вступление двух лиц в половую связь друг с другом?

В пункте 63 постановления Большая Палата далее отмечает, что брак наделяет вступающих в него лиц особым статусом. Анализ пункта 63 наводит на мысль, что большинство судей не считают приведённые в пункте 62 постановления доводы достаточно убедительными, то есть большинство судей чувствует, что оно *ex abundante cautela*¹ должно добавить этот «особый характер» брака как договора. Если договор не имеет явно выраженной формы, он не влечёт за собой правовых последствий. Однако и этот довод ошибочен, даже если мы не считаем незарегистрированный брак историческим явлением, в силу которого совместное проживание двух лиц по их обоюдному согласию, пусть и с точки зрения церковного права, наделяет их всеми правами и обязанностями. Ссылка на то, что в разных государствах — членах Совета Европы применяются различные варианты решения указанной проблемы, неуместна, так как по крайней мере некоторые государства считают совместное проживание вопросом факта, который порождает правовые последствия, эквивалентные явно выраженному вступлению в брак. Это заставляет большинство судей прибегнуть к последнему средству, заявив:

«Этот вывод не меняется из-за того, что, как отмечалось выше, в пункте 26 постановления, государства — члены Совета Европы установили для лиц, состоявших друг с другом в традиционном или однополном браке, и для лиц, приходившихся друг другу близкими родственниками, множество самых разных правил наследования имущества одним из них в случае смерти другого и проводят разную политику в части освобождения от уплаты налога на наследство различных категорий оставшихся в живых лиц, которые состояли с умершими в указанных отношениях; в принципе государства по-прежнему могут свободно устанавливать различные правила в сфере налоговой политики».

Нет нужды говорить, что эта последняя ссылка на свободу усмотрения государств делает все остальные доводы излишними.

Логика «если сказал “А”, то надо сказать и “Б”», на которую я сослался в начале настоящего особого мнения, прямо присутствует в пункте 53 решения Большой Палаты Европейского Суда по делу «Стэк против Соединённого Королевства»:

«Если <...> государство действительно принимает решение предоставить льготы <...>, оно должно это сделать, не нарушая статьи 14 Конвенции (см. решение Большой Палаты Европейского Суда от 6 июля 2005 г. по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу

жалоб № 65731/01 и 65900/01, поданных Анной Стэк и другими заявителями против Соединённого Королевства, § 54—55, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2005 — ...»).

A priori государство не должно предоставлять льготы в данном случае, когда обсуждается вопрос об освобождении от уплаты налога не состоящих в браке лиц. Если, тем не менее, государство действительно решает освободить от уплаты этого налога какую-то одну группу лиц, не состоящих в браке, оно должно сохранить хотя бы минимум разумности, решив не распространять эту привилегию на другие группы лиц, поддерживающих между собой не менее близкие отношения.

Я думаю, что считать кровное родство препятствием к этому — это просто-напросто произвол.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ Х. БОРРЕГО БОРРЕГО

(в переводе)²

К моему глубокому сожалению, я не могу согласиться с подходом большинства судей к делу, так как, на мой взгляд, в постановлении не рассматривается проблема, которую затрагивает настоящее дело.

1. Жалоба

В основе жалобы лежит тот факт, что заявительницы не имеют права на освобождение от уплаты налога на наследство. Заявительницами по делу являются две сестры, которые «прожили вместе всю свою жизнь, поддерживая между собой прочные и устойчивые отношения взаимной поддержки» (пункт 10 постановления). Они не могут заключить между собой однополый брак, так как им запрещает это сделать Закон «Об однополых браках» 2004 года, согласно которому на освобождение от уплаты налога на наследство могут претендовать лишь упомянутые в нем лица одного пола (статья 1 Протокола № 1 к Конвенции во взаимосвязи со статьёй 14 Конвенции).

2. Постановление Палаты Европейского Суда по настоящему делу (или правильная реакция Суда на жалобу)

«<...> Освобождение от уплаты налога на наследство лиц, состоящих друг с другом в традиционном или однополном браке <...>, преследует правомерную цель». Рассмотрев эту цель, Палата, в соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда, перешла к оценке «соразмерности использованных средств преследуемой цели». Большинство судей Палаты пришло к выводу: «нельзя сказать, что Соединённое Королевство вышло за рамки предоставленной ему широкой свободы усмотрения; с точки зрения освобождения от уплаты налога на наследство различие в обращении, о котором идёт речь, было оправдано разумными и объективными соображениями для целей статьи 14 Конвенции» (пункт 61 постановления).

Постановление Палаты по настоящему делу было принято четырьмя судьями; трое судей выразили своё несогласие с позицией большинства в двух особых мнениях. В первом из этих мнений судьи Дж. Бонелло и Л. Гарлицкий заявили: «По-видимому, большинство судей согласно с тем, что в отношении заявительниц име-

¹ *Ex abundante cautela* (лат.) — в виде особой меры предосторожности (примечание редакции).

² Имеется в виду, что мнение в оригинале было составлено не на английском языке; в данном случае оно было составлено на французском языке (примечание редакции).

ла место пограничная ситуация или отдельный случай «явных трудностей или несправедливости» (пункт 60). Нам, тем не менее, кажется, что в позиции большинства судей не хватает всестороннего объяснения того, как и почему такая несправедливость может быть оправдана. Простой отсылки к свободе усмотрения здесь недостаточно». Второе особое мнение, приложенное к постановлению Палаты судьей С. Павловским, следует тому же общему подходу.

3. Подход большинства судей Большой Палаты к делу

Власти Соединённого Королевства (пункты 19 и 20 постановления) и Палата Европейского Суда в своём постановлении по настоящему делу прямо и недвусмысленно признают несправедливость, возникшую из-за отсутствия нормы, согласно которой от уплаты налога на наследство освобождались бы лица, поддерживающие между собой, как и заявительницы, близкие отношения. В постановлении Большой Палаты это обстоятельство полностью игнорируется.

Вопрос о свободе усмотрения государства и её границах, который является важнейшим в настоящем деле и как таковой рассматривался в постановлении Палаты, совершенно исчез из постановления Большой Палаты.

Большинство судей Большой Палаты утверждают, что существуют два отличия отношений между заявительницами от отношений между лицами, состоящими друг с другом в однополном браке: во-первых, кровное родство сестёр, а во-вторых, юридически обязательный характер однополного брака. Соответственно, большинство судей считает, что положение заявительниц нельзя сравнивать с положением лиц, состоящих друг с другом в однополном браке, и поэтому по делу не была допущена дискриминация.

Но кто оспаривает существование кровного родства между двумя сёстрами или правовой статус однополного брака? Никто. Относительно этих двух фактов нет никаких разногласий. Попытка обосновать постановление по делу фактами, которые никем не оспариваются, — лучший пример того, что мысль здесь, возможно, движется по кругу или, я бы даже сказал, по спирали.

Стороны в деле в Европейском Суде, Палата Суда, которая первоначально рассматривала дело, пять судей, я сам и, как мне кажется, все те, кто заинтересован в деле, полагают, что «серьёзный вопрос, касающийся толкования [...] Конвенции» (пункт 2 статьи 43 Конвенции), по которому Большая Палата должна была высказаться в настоящем деле, очень прост: является ли освобождение от уплаты налога на наследство лиц одного пола, состоящих друг с другом в однополном браке, и отказ освободить от уплаты этого налога заявительниц, двух сестёр, также одного пола, мерой, соразмерной преследуемой правомерной цели.

На мой взгляд, отказавшись дать ответ на поданную в Европейский Суд жалобу, большинство судей Большой Палаты игнорировали созданный Большой же Палатой прецедент, в котором было сказано следующее: «Хотя Протокол № 1 к Конвенции и не включает в себя права на получение каких бы то ни было социальных выплат, если государство действительно принимает решение предоставить льготы, оно должно это сделать, не нарушая статьи 14 Конвенции» (решение Большой Палаты Европейского Суда от 6 июля 2005 г. по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалоб № 65731/01 и 65900/01, поданных Анной Стэк и другими заявителями против Соединённого Королевства, § 55, в конце абзаца).

Несомненно, это постановление Большой Палаты будет считаться политкорректным. Тем не менее я полагаю, что оно не было вынесено в соответствии со статьёй 43 Конвенции, так как Большая Палата, вместо того чтобы попытаться объяснить различие в обращении для целей взимания налога на наследство в двух упомянутых ситуациях, предпочла не мотивировать своё решение, ограничившись описанием фактов, например, того, что между двумя сёстрами существует кровное родство или что однополый брак влечёт за собой правовые последствия. Мне стыдно, что Большая Палата не дала ответа заявительницам, двум престарелым женщинам, потому что они заслуживают иного отношения. Завершить своё мнение я хотел бы цитатой из «*Ars Poetica*» [«Наука поэзии»] Горация¹, который писал: «*parturiunt montes, nascetur ridiculus mus*» [«В муках рожают горы, а родится смешная мышь»].

Перевод с английского языка.

© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»

Council of Europe
Conseil de l'Europe

European Union
Union européenne

This translation was made and published with the financial support of the European Commission and the Council of Europe Joint Programme «Enhancing the capacity of legal professionals and law enforcement officials to apply the ECHR in domestic legal proceedings and practices»¹.

Исправление: в номере 9 журнала на стр. 58 в заголовке текста постановления Европейского Суда по правам человека по делу «S. и Марпер против Соединённого Королевства» дата вынесения постановления должна быть 4 декабря 2008 г.

Erratum: in the issue No. 9 of the journal at page 58 in the heading of the Russian text of the judgment by the European Court of Human Rights in the case of *S. and Marper v. the United Kingdom* the date of delivery of the judgment should read 4 December 2008.

¹ Гораций (полное имя Квинт Гораций Флакк) [Quintus Horatius Flaccus] (65 год до н.э. — 8 год до н.э.) — римский поэт «золотого века» римской литературы. С 30 года по 13 год до н.э. Гораций создал четыре книги лирических стихов («оды»). Первая книга содержит философские размышления в духе эпикуреизма и отчасти стоицизма. Вторая посвящена вопросам поэзии. Особое место занимает письмо к Пизонам об искусстве поэзии, названное еще в древности «Наукой поэзии». Его творчество приходится на эпоху гражданских войн конца республики и первые десятилетия нового режима Октавиана Августа (примечание редакции).

² Настоящий перевод был выполнен и опубликован при финансовой поддержке совместной программы Европейской комиссии и Совета Европы «Укрепление возможностей юристов и сотрудников правоохранительных органов в деле применения Европейской конвенции по правам человека во внутригосударственных судебных разбирательствах и в правоприменительной практике».